

© 1993 г.

Д. РИСМЕН

**НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ
ХАРАКТЕРА И ОБЩЕСТВО**

... Эрудированный читатель не может не знать, что человеческая природа, хотя и названная одним общим именем, настолько многообразна, что скорее повар ознакомится со всеми существующими в мире видами животной и растительной пищи, чем ученый сможет исчерпать столь обширный предмет.

Филдинг Том Джонс

Эта книга — о социальном характере и о различиях социального характера у людей разных стран, эпох и групп. В ней рассматривается, как различные типы социального характера, сформировавшиеся однажды на заре возникновения общества, впоследствии раскрываются в работе, игре, политике и в воспитательной деятельности общества. Вернее, она о том, как один вид социального характера, преобладавшего в Америке в 19 веке, постепенно сменялся социальным характером совершенно иного рода. Именно то, почему и как это произошло и каковы последствия этого в некоторых основных областях жизни — предмет настоящей книги.

Но что же собственно мы имеем в виду, когда говорим о «социальном характере»? Мы говорим не о «личности» — этот термин в современной социальной психологии служит для обозначения целостного Я с унаследованными талантами и темпераментом, как био-

логическими, так и психологическими компонентами, его временными и более или менее постоянными атрибутами. Мы говорим даже не о «характере» как таковом, который, согласно одному из современных определений, связан лишь с частью личности, формирующейся не наследственностью, а опытом, которые не так просто разграничить: в этом смысле, характер — это более или менее постоянная социально и исторически обусловленная организация побуждений индивида и их удовлетворения — своего рода «установка», с которой он подходит к миру и людям.

«Социальный характер» — часть «характера», разделяемая значимыми социальными группами, и по определению многих современных социальных ученых, является продуктом жизненного опыта этих групп. Такое понимание социального характера позволяет говорить, что я и делаю в этой книге, — о характере классов, групп, стран и наций.

Я не собираюсь вдаваться в полемику по поводу двусмысленности понятия социальный характер — можно ли, собственно говоря, считать его в большей степени следствием опыта, чем наследственности; есть ли какое-либо эмпирическое доказательство того, что он действительно существует; является ли он «более важным», чем элементы характера и личности, которые объединяют людей во всем мире, или чем те, которые разведируют их, даже наиболее близких. Предположение о существовании социального характера всегда было более или менее скрытой предпосылкой обыденного языка, а теперь оно становится более или менее явной посылкой социальных наук. Значит под тем или иным названием оно известно тем моим читателям, которые знакомы с работами Эриха Фромма, Абрама Карднера, Рут Бенедикт, Маргарет Мид, Жюфрея Горера, Карей Хорни и многих других, кто писал о социальном характере вообще или о социальном характере различных людей в разные времена. Так же как и я, большинство этих авторов считают, что детские годы представляют огромную важность для формирования характера. Так же как и я, большинство этих авторов считают, что эти детские годы нельзя рассматривать а отрыве от структуры общества, которое оказывает влияние как на родителей, воспитывающих детей, так и непосредственно на детей.

1. Характер в общество

Какова взаимосвязь между социальным характером и обществом? Каким образом каждое общество в большей или меньшей степени получает именно тот социальный характер, в котором «нуждается»? В своем исследовании социального характера индейцев Юрок Э. Эрикссон пишет, что «... системы воспитания детей представляют собой бессознательные попытки создания из сырого человеческого материала такой совокупности установок, которая является (или когда-то была) оптимальной при определенных природных условиях и экономико-исторических потребностях данной трибы».

От «экономико-исторических потребностей» до «систем детского воспитания» — огромная дистанция. Целью многих работ, посвященных исследованию социального характера, было уменьшение этой дистанции и стремление показать, как удовлетворение главнейших «потребностей» общества стало возможным благодаря наиболее интимной практике. Эрих Фромм намечает путь, по которому можно проследить эту взаимосвязь общества и формирования характера: «Для того, чтобы любое общество могло нормально функционировать, его члены должны иметь такой характер, который побуждал бы их действовать так, как они должны действовать в качестве членов общества или того или иного класса. Они должны хотеть делать то, что является для них объективной необходимостью. Внешняя сила заменяется внутренним принуждением и особого рода человеческой энергией» которая канализируется в черты характера»².

Так, связь между характером и обществом — далеко не единственную, но одну из наиболее важных, и на которую я обращаю наибольшее внимание в данной работе, можно обнаружить в том способе, каким обществу гарантирована некоторая степень конформности составляющими его индивидами. В каждом обществе такой способ обеспечения конформности закладывается в ребенке, а затем он либо поддерживается,¹ либо разрушается в последующей жизни взрослого человека. (По-видимому, ни одно общество не может настолько предвидеть будущее, чтобы дать гарантию в том, что внушаемый им способ конформности удовлетворит всех членов общества на каждом этапе его жизненного пути.) Я буду употреблять термин «способ конформности» как синоним термина «социальный характер», хотя, конечно, конформность — это еще не весь социальный характер: в такой же степени и «способ созидательности» является его частью.

революции их связи с «способом конформности» или —«социальным характером» западного человека со времен Средневековья. Первая революция окончательно оторвала нас за последние 400 лет от ориентированных на семью и клан традиционных способов жизни, благодаря которым человечество существовало на протяжении большей части своей истории; эта революция включает Возрождение, Реформацию, Контрреформацию, Индустриальную революцию и политические революции 17, 18 и 19 столетий. Конечно, эта революция еще продолжается, но в большинстве развитых стран мира, особенно в Америке, она дала толчок революции другого рода — всей совокупности процессов социального развития, связанных с переходом от эпохи производства к эпохе потребления. Первую революцию мы понимаем довольно хорошо, под разными названиями она оказывается содержанием наших книг и нашей терминологии; данная работа не вносит ничего нового в ее описание, но, возможно, в какой-то степени способствует ее оценке. Вторая революция, которая только что началась, интересует многих современных исследователей, включая социальных ученых, философов и журналистов. Как ее описание, так и оценка все еще являются весьма противоречивыми, многие еще занимаются изучением первой системы революций, и пока не разработан категориальный аппарат для обсуждения второй системы. В этой книге я попытаюсь сконцентрировать внимание на различии, с одной стороны, условий и характера тех социальных страт, которые в настоящее время в наибольшей степени подвергаются влиянию второй революции, а с другой стороны, условий и характера аналогичных страт во время первой революции. В этой перспективе единственное, о чем кратко говорится по поводу традиционных и феодальных обществ, разрушенных в процессе первой революции, — так это о природе фона, на котором происходят эти изменения.

Одна из используемых мной категорий взята из демографии — науки, имеющей дело с рождаемостью и смертностью, абсолютным и относительным населением общества, его распределением по возрасту, полу и другим переменным, поскольку гипотетически я пытаюсь связать в качестве причины и следствия определенное социальное развитие и формирование характера с определенными изменениями населения в Западном обществе, начиная со Средневековья.

Достаточно хорошо известно, несмотря на отсутствие достоверных цифр для более раннего времени, что в этот период кривая роста населения в Западных странах представляла собой S-образную кривую определенного типа (как только другие страны оказывались под сенью Западной цивилизации, у них также обнаруживалась тенденция к развитию населения по линии этой S-образной кривой). Нижняя горизонтальная линия S изображает ситуацию, когда все население не увеличивается или увеличивается очень медленно, так как число рождений приблизительно равно числу смертей и оба очень большие. В обществах такого типа значительную часть населения составляет молодежь, жизненные ожидания в них — низкие и оборот поколений — необычайно быстрый. О таких обществах говорят, что они находятся на стадии «высокого потенциала прироста населения»; так как в случае снижения очень высокого уровня смертности (вследствие большего производства продуктов питания, улучшения санитарных условий, новых методов лечения и т.п.) произойдет «демографический взрыв» и население будет расти очень быстро. В сущности именно это и происходит на Западе с 17 века. Резкий прирост населения был отмечен в Европе и странах, населенных европейцами в 19 столетии. Он изображен вертикальной линией S. Демографы называют это стадией «переходного роста», так как рождаемость вскоре начинает падать, вслед за снижением смертности. Затем темп роста замедляется, и демографы начинают отмечать в увеличивающейся части населения среднего возраста и старших возрастов признаки третьей стадии — «начинающегося спада населения». Общества, находящиеся на этой стадии, изображаются верхней горизонтальной линией S, как и на первой стадии, вновь указывающей, что общий рост населения является незначительным, но на этот раз вследствие низкой рождаемости и смертности.

Кривая S представляет собой не столько теорию роста населения, сколько эмпирическое описание того, что происходило на Западе и в тех частях мира, которые находились под влиянием Запада. Что происходит после того как кривая S завершает свой путь? Развитие Соединенных Штатов и других западных стран в последние годы не поддается простой и четкой оценке. «Начинающийся спад населения» не становится собственно «уменьшением

населения», и рождаемость указывает на изменчивую тенденцию к новому подъему, которую большинство демографов считают временной³.

Было бы удивительно, если бы различия основных условий воспроизводства, средств к существованию и возможностей выживания, то есть различия спроса и предложения со всеми вытекающими отсюда последствиями, как-то: размещение людей, размеры рынков, роль детей, социальные чувства жизнеспособности или старения и многие другие, неуловимые и неясные, не оказывали влияния на формирование характера. По сути дела, мой тезис состоит в том, что на каждой из трех различных фаз кривой населения общество обеспечивает конформность и формирует социальный характер совершенно различными способами.

Общество высокого потенциала прироста населения формирует у своих типичных представителей социальный характер, соответствие которому достигается благодаря их тенденции следовать традиции: их я буду называть людьми, *ориентированными-на-традицию*, а общество, в котором они живут, обусловленным *ориентацией-на-традицию*.

Общество переходного роста населения формирует у своих типичных представителей социальный характер, соответствие которому достигается благодаря их тенденции к приобретению на ранних этапах жизни интернализированной системы целей. Их я буду называть людьми, *ориентированными-на-себя*, а общество, в котором они живут — обусловленным *ориентацией-на-себя*.

И, наконец, общество начинающегося спада населения формирует у своих типичных представителей социальный характер, соответствие которому достигается благодаря их тенденции быть восприимчивыми к ожиданиям и предпочтениям других. Их я буду называть людьми, *ориентированными-на-другого*, а общество, в котором они живут, — обусловленным *ориентацией-на-другого*.

В своем исследовании я исхожу как из совокупности технологических и институциональных факторов в качестве причины и следствия, связанных с ростом населения, так и самих демографических фактов. Для моих целей, было бы вполне достаточно классифицировать общества в соответствии со стадией достигнутого ими экономического развития. Так, разделение Колином Кларком экономики на «первичный», «вторичный» и «третичный» сектора (первый связан с сельским хозяйством, охотой, рыболовством и добычей полезных ископаемых; второй — с промышленным производством; третий — с торговлей, коммуникациями и сферой услуг) вполне соответствует классификации обществ на основе демографических характеристик. В обществах, находящихся на стадии «высокого потенциала прироста населения» преобладает «первичный» сектор (например, Индия); в обществах, находящихся на стадии «переходного» роста, преобладает «вторичный» сектор (например, Россия); в обществах на стадии «начинающегося спада» преобладает «третичный» сектор (например, США). Конечно, ни одна нация не является монолитной ни в характеристиках населения, ни в экономике — разные группы и регионы представляют различные стадии развития, а социальный характер отражает эти различия.

Высокий потенциал прироста населения: *ориентированные-на-традицию* типы.

Стадия высокого потенциала прироста населения характерна для большей части мирового населения: Индия, Египет, Китай (население которых необычайно выросло в последние десятилетия), большинство народов Центральной Африки, отдельные части Центральной и Южной Америки, то есть фактически большинство ареалов мира, сравнительно не затронутых индустриализацией. Смертность здесь настолько высока, что если бы и рождаемость не была столь же высокой, то население бы вымерло.

Регионы, население которых находится на этой стадии развития, могут быть заселены либо неплотно, как в ареалах, занятых многими примитивными племенами и в отдельных частях Центральной и Южной Америки, либо плотно, как в Индии, Китае и Египте. В любом случае, общество приходит к мальтузианскому выводу об ограниченности продовольственных запасов и необходимости тем или иным способом избавиться от избыточной потенциальной рождаемости: ужасной ловушки, поставленной природой человеку, можно избежать, согласно Мальтусу, лишь разумно используя землю и предсмотрительно не приумножая человеческий род, отсрочивая вступление в брак. Помимо предохранения от деторождения путем отсрочивания вступления в брак и с помощью контрацептивных средств, население уменьшается за счет уничтожения живых людей.

Поэтому в таких обществах существуют «изобретенный» каннибализм, вынужденные аборт, организованные войны, жертвоприношения и детоубийство, особенно, девочек, в качестве средств, заменяющих периодические эпидемии и голод. Хотя подобная расплата за противоречащие друг другу стремления удовлетворить голод и сексуальные потребности достаточно часто сопровождается беспорядками и нищетой, в этих обществах, находящихся на стадии высокого потенциала прироста населения, имеется тенденция к сохранению стабильности хотя бы в том смысле, что их социальные порядки, включающие «преступления», связанные с ограничением роста населения, институционализированы и структурированы. Поколение следует за поколением, люди рождаются, уничтожаются и умирают, чтобы дать место другим. Общий процент естественного прироста колеблется в широких пределах, хотя и не выражает никакой перспективной тенденции, что характерно и для обществ, находящихся на стадии начинающегося спада населения. Но в отличие от последних средняя продолжительность жизни в обществах высокого потенциала прироста населения обычно является низкой: в общем составе населения преобладает молодежь, и одно поколение сменяет другое гораздо быстрее и менее эффективно, чем в обществах начинающегося спада. Глядя на такое общество, мы неизбежно связываем относительную стабильность коэффициента возделываемой площади земли, приходящейся на одного человека, с прочностью обычаев и социальной структуры. Однако не следует отождествлять стабильность социальной структуры с психической стабильностью жизненного пространства индивида: последний может субъективно воспринимать насилие и дезорганизацию. Тем не менее, анализируя прошлое, он учится жить благодаря адаптации, а не инновации. За некоторыми исключениями, конформность в большой степени является производной от «самоочевидной» социальной ситуации. Конечно, в человеческой жизни нет ничего, что было бы вполне самоочевидным, когда же нечто кажется таковым, то лишь потому, что понимание ограничено установками данной культуры. Поскольку двусмысленное отношение к продовольственным запасам заложено в существующей культуре, это помогает созданию образца конвенциональной конформности, воспроизводящегося во многих, если не во всех обществах на стадии высокого потенциала прироста. Это и есть то, что я называю ориентацией-на-традицию.

Определение ориентации-на-традицию. Поскольку тип только что обсуждавшегося социального порядка является относительно неизменным, конформность индивидов в весьма значительной степени предписывается отношениями власти, существующими между различными половозрастными группами, кланами, кастами, профессиями и т.д. — отношениями, которые существуют веками, а если и изменяются последующими поколениями, то незначительно. Культура ежеминутно контролирует поведение, и хотя правила не настолько сложны, чтобы молодежь не могла их усвоить в период интенсивной социализации, тщательно разработан строгий этикет, регулирующий отношения в весьма влиятельной сфере родственных взаимосвязей. Помимо экономических задач или в качестве одной из них, культура создает ритуал, устанавливает определенный порядок и религию, чтобы всех занять и ориентировать. Немного усилий прилагается для того, чтобы найти новые решения старых проблем, например, сельскохозяйственной техники или медицины — тех проблем, благодаря которым происходит аккультурация.

Не следует, однако, думать что в тех обществах, где деятельность индивида определяется укорененным в характере подчинением традиции, индивид не сможет получить высокой оценки и поощрения развития своих способностей, инициативы и даже — в весьма ограниченных временных пределах — его сильных желаний. Действительно, в некоторых примитивных обществах индивида ценят и уважают гораздо больше, чем в некоторых современных обществах. Это происходит потому, что в обществе с ориентацией-на-традицию у индивида есть четко определенная взаимосвязь с другими членами группы. Если его не убили, он «принадлежит обществу», а не является «лишним», как современные безработные, или используемые как неквалифицированные работники. Именно в силу самой этой «принадлежности обществу», жизненные цели индивида, которые являются его собственными в смысле сознательного выбора, лишь в очень незначительной степени определяют его судьбу, и практически там нет представления о прогрессе группы.

В обществах, где ориентация-на-традицию является преобладающим способом обеспечения конформности, относительная стабильность сохраняется отчасти благодаря редко встречающемуся, но крайне важному процессу приспособления девиантов к институционализированным ролям. В таких обществах человек, который в более поздние исторические эпохи стал бы изобретателем или бунтовщиком, чья принадлежность как

Поэтому в таких обществах существуют «изобретенный» каннибализм, вынужденные аборты, организованные войны, жертвоприношения и детоубийство, особенно, девочек, в качестве средств, заменяющих периодические эпидемии и голод. Хотя подобная расплата за противоречащие друг другу стремления удовлетворить голод и сексуальные потребности достаточно часто сопровождается беспорядками и нищетой, в этих обществах, находящихся на стадии высокого потенциала прироста населения, имеется тенденция к сохранению стабильности хотя бы в том смысле, что их социальные порядки, включающие «преступления», связанные с ограничением роста населения, институционализированы и структурированы. Поколение следует за поколением, люди рождаются, уничтожаются и умирают, чтобы дать место другим. Общий процент естественного прироста колеблется в широких пределах, хотя и не выражает никакой перспективной тенденции, что характерно и для обществ, находящихся на стадии начинающегося спада населения. Но в отличие от последних средняя продолжительность жизни в обществах высокого потенциала прироста населения обычно является низкой: в общем составе населения преобладает молодежь, и одно поколение сменяет другое гораздо быстрее и менее эффективно, чем в обществах начинающегося спада. Глядя на такое общество, мы неизбежно связываем относительную стабильность коэффициента возделываемой площади земли, приходящейся на одного человека, с прочностью обычаев и социальной структуры. Однако не следует отождествлять стабильность социальной структуры с психической стабильностью жизненного пространства индивида: последний может субъективно воспринимать насилие и дезорганизацию. Тем не менее, анализируя прошлое, он учится жить благодаря адаптации, а не инновации. За некоторыми исключениями, конформность в большой степени является производной от «самоочевидной» социальной ситуации. Конечно, в человеческой жизни нет ничего, что было бы вполне самоочевидным, когда же нечто кажется таковым, то лишь потому, что понимание ограничено установками данной культуры. Поскольку двусмысленное отношение к продовольственным запасам заложено в существующей культуре, это помогает созданию образца конвенциональной конформности, воспроизводимого во многих, если не во всех обществах на стадии высокого потенциала прироста. Это и есть то, что я называю *ориентацией-на-традицию*.

Определение ориентации-на-традицию. Поскольку тип только что обсуждавшегося социального порядка является относительно неизменным, конформность индивидов в весьма значительной степени предписывается отношениями власти, существующими между различными половозрастными группами, кланами, кастами, профессиями и т.д. — отношениями, которые существуют веками, а если и изменяются последующими поколениями, то незначительно. Культура ежеминутно контролирует поведение, и хотя правила не настолько сложны, чтобы молодежь не могла юс усвоить в период интенсивной социализации, тщательно разработан строгий этикет, регулирующий отношения в весьма влиятельной сфере родственных взаимосвязей. Помимо экономических задач или в качестве одной из них, культура создает ритуал, устанавливает определенный порядок и религию, чтобы всех занять и ориентировать. Немного усилий прилагается для того, чтобы найти новые решения старых проблем, например, сельскохозяйственной техники или медицины — тех проблем, благодаря которым происходит аккультурация.

Не следует, однако, думать, что в тех обществах, где деятельность индивида определяется укорененным в характере подчинением традиции, индивид не сможет получить высокой оценки и поощрения развития своих способностей, инициативы и даже — в весьма ограниченных временных пределах — его сильных желаний. Действительно, в некоторых примитивных обществах индивида ценят и уважают гораздо больше, чем в некоторых современных обществах. Это происходит потому, что в обществе с *ориентацией-на-традицию* у индивида есть четко определенная взаимосвязь с другими членами группы. Если его не убили, он «принадлежит обществу», а не является «лишним», как современные безработные, или используемым как неквалифицированные работники. Именно в силу самой этой «принадлежности обществу», жизненные цели индивида, которые являются его собственными в смысле сознательного выбора, лишь в очень незначительной степени определяют его судьбу, и практически там нет представления о прогрессе группы.

В обществах, где *ориентация-на-традицию* является преобладающим способом обеспечения конформности, относительная стабильность сохраняется отчасти благодаря редко встречающемуся, но крайне важному процессу приспособления девиантов к институционализированным ролям. В таких обществах человек, который в более поздние исторические эпохи стал бы изобретателем или бунтовщиком, чья принадлежность как

таковая маргинальна или проблематична, привлекается к ролям шамана или колдуна. То есть ему отводятся роли, дающие возможность внести социально приемлемый вклад и в то же время сохранить свою более или менее санкционированную нишу. Аналогичным образом средневековые монашеские ордены способствовали абсорбции многих характерологических изменений.

В некоторых таких обществах отдельные индивиды с детства поддерживают свою индивидуальность, особенно если они из семей, занимающих высокое общественное положение. Но так как даже для людей, занимающих подобное положение, границы выбора минимальны, явная потребность общества в индивидуализированном типе характера также минимальна. Вероятно, правильно было бы сказать, что структура характера в таких обществах является весьма «отрегулированной», в том смысле, что большинство людей поставлено в соответствие с социальными институтами. Даже немногие неприспособленные в какой-то мере соответствуют им, и лишь очень редко попадают те, кого изгоняют из социального мира.

Конечно, это не значит, что люди счастливы; общество, к традициям которого они приспособились, может быть жалким, обуреваемым тревогой, садизмом, болезнями. Суть, скорее, в том, что хотя изменение никогда полностью не исчезает из человеческой жизни, оно замедляется, подобно тому, как замедляется движение молекул при низкой температуре; и социальный характер приближается к тому, что можно назвать матрицей самих социальных форм.

В западной истории Средневековья можно найти период, когда большинство было *ориентировано-на-традицию*. Однако термин *ориентированные-на-традицию* относится не только к людям докапиталистической Европы, но и к совершенно другим типам людей, таким как индусы. Холи-индейцы, зулусы и китайцы, арабы Северной Африки и жители острова Бали. Здесь уместно сослаться на многих авторов, обнаруживших подобное единство в различии, выраженное в таких терминах как «народное общество» (в отличие от «цивилизации»), «статусное общество», в отличие от «договорного общества»), «община», «Gemeinschaft» (в отличие от общества «Gesellschaft») и т.д. Различающиеся по названиям, народное, статусное и общинное общества похожи друг на друга относительной замедленностью происходящих в них изменений, зависимостью от семьи и родственной организации и — в сравнении с более поздними эпохами — их жесткой системой ценностей. И, как сейчас общепризнано, высокая рождаемость в этих обществах, на стадии высокого потенциала прироста, не является лишь следствием недостаточного знания в области контрацепции. Весь образ жизни в этих обществах — взгляд на превратности судьбы, детей, место женщин, сексуальность, на сам смысл существования — занимает среднее положение между обществами, в которых фертильность, никак не сдерживаемая, предоставлена естественному ходу событий, и обществами, предпочитающими другие виды расплаты за снижение фертильности, которое достигается путем строгого расчета и, по утверждению Фрейда и других исследователей, посредством снижения самой сексуальной энергии.

Переходный рост, *ориентированные-на-себя* типы

За исключением Запада, мы очень мало знаем о процессе накопления небольших изменений, способном привести к упадку *ориентированного-на-традицию* типа общества и реализации его высокого потенциала прироста населения. Что касается Запада, то известно довольно много относительно постепенного упадка феодализма и последующего подъема такого типа общества, в котором преобладающим способом обеспечения конформности является ориентация-на-себя.

Критически настроенные историки, отбрасывая Ренессанс в Средние века, иногда отрицают наличие вообще каких бы то ни было решающих изменений. Однако в целом очевидно, что огромный социальный и характерологический сдвиг в последние столетия действительно начался, когда люди становятся оторванными от первичных связей соединявших их с *ориентированным-на-традицию* обществом западного средневекового типа. Все последующие изменения, включая переход от *ориентации-на-себя* к *ориентации-на-другого* в сравнении с этим кажутся незначительными, хотя, конечно, этот последний сдвиг все еще далек от завершения, и нельзя сказать, каковы будут его последствия, если он когда-нибудь завершится.

Изменение относительно стабильного соотношения рождаемости и смертности характерное для периода высокого потенциала прироста населения, является как

причиной, так и следствием других глубоких социальных изменений. В большинстве известных нам случаев падение смертности предшествует падению рождаемости; следовательно, существует некий период, когда население быстро растет. Снижение смертности происходит в результате многих взаимосвязанных факторов, в том числе в результате улучшения санитарных условий и коммуникаций (что позволяет правительству действовать на большей территории и облегчает транспортировку продовольствия из областей, где есть его избыток, в области, где продовольствия не хватает), снижения инфантицида (вынужденного или какого-то иного), каннибализма и иных форм насилия со стороны родственников. Вследствие совершенствования методов ведения сельского хозяйства, земля оказывается в состоянии прокормить больше людей, которые, в свою очередь, еще больше рожают.

Лучше всего это состояние определяет выражение Ноутстайна «переходный рост». Вероятно, переход может быть резким, разрушающим устоявшиеся структуры существования в обществах, где ориентация-на-традицию была главной формой обеспечения конформности. Несоответствие рождаемости и смертности оказывает воздействие (давление) на привычные отношения данного общества. Новый пласт структур характера предусматривает или находит возможность справиться с быстрыми изменениями — и удовлетворить потребность в еще больших изменениях, происходящими в социальной организации.

Определение ориентации-на-себя. Общество, возникающее в западной истории, в период Ренессанса и Реформации и исчезающее лишь сейчас, является иллюстрацией того типа общества, в котором главным способом обеспечения конформности выступает ориентация-на-себя. Такое общество характеризуется возрастающей личной мобильностью, быстрым накоплением капитала (наряду с опустошительными технологическими изменениями) и почти постоянной экспансией: интенсивным расширением производства товаров и людей и экстенсивной экспансией в освоении земель, колонизации и империализме. Поскольку это общество предоставляет все большие возможности для выбора и инициативы, необходимые для того, чтобы справиться с возникающими проблемами, то ему требуются такие типы характера, которые могут обходиться в социальной жизни без строгой и само собой разумеющейся ориентации-на-традицию. Это — ориентированные-на-себя типы.

Понятие ориентации-на-себя включает весьма широкий спектр типов. Для определенных целей весьма существенно изучение различий между протестантскими и католическими странами и соответствующими им типами характера, между влиянием Реформации и влиянием Ренессанса, между пуританской этикой Северной и Западной Европы и несколько более гедонистической этикой Восточной и Южной Европы. Но поскольку цель данного исследования — изучение эволюции различных способов конформности, можно оставить в стороне эти весьма важные и ценные в определенном смысле отличия, и иначе сгруппировать эти различные эволюции, поскольку все они имеют нечто общее: а именно, внутренний источник ориентации, привитый в детстве старшими, направленный на обобщенные, но тем не менее неизбежно предопределенные цели. Мы поймем, что это означает, когда ясно представим себе, что в обществах, где преобладающим способом обеспечения конформности является ориентация-на-традицию, основное внимание уделяется достижению внешней конформности поведения. Когда поведение определяется точными предписаниями, объективированными в ритуале и этикете, то для того, чтобы их выполнять, не требуется высокоразвитая индивидуальность характера, хотя, несомненно, необходим социальный характер, требующий внимательности к ним и послушания. И, напротив, обществам, где значимой становится ориентация-на-себя, одной поведенческой конформности, которая там также существовала, явно недостаточно. Возникает множество ситуаций, которые не могут быть заранее предусмотрены и включены в кодекс. Так что проблема личного выбора по-разному решается в этих обществах. На стадии высокого потенциала прироста населения выбор определяется жесткой социальной организацией, тогда как в период переходного роста он определяется хотя и жестким, но высоко индивидуализированным характером.

Эта жесткость — непростое дело. Хотя любое общество, зависящее от ориентации-на-себя, предоставляет людям большой выбор целей — таких как деньги, собственность, власть, знание, слава, добродетель — все они идеологически взаимосвязаны, и выбор, сделанный индивидом, остается относительно неизменным на протяжении всей его жизни. Более того, хотя между средствами для достижения этих целей и социальной системой

отсчета нет такого жесткого соответствия, как в обществе, зависящем от *ориентации-на-традицию*, тем не менее, эти средства ограничиваются возникающими добровольными объединениями — такими, как Квакеры, Масоны, Механические объединения, с которыми люди себя связывают. Правда, термин «ориентация-на-традицию» был бы неправильно понят, если бы читатель пришел к выводу, что сила традиции не имеет никакого значения для *ориентированного-на-себя* характера. Напротив, он весьма сильно связан с традициями: они ограничивают его цели и сдерживают выбор средств. Дело, скорее, в том, что происходит ослабление традиции, вызванное отчасти ростом разделения труда и стратификацией общества. Даже если выбор индивидом традиции в значительной степени определяется его семьей (как и происходит во многих случаях), это не помогает ему понять, что существуют еще и другие традиции, то есть традиция как таковая. Поэтому он обладает гораздо большей гибкостью в приспособлении к постоянно меняющимся требованиям и в свою очередь требует больше от своего окружения.

Поскольку ослабевает контроль первичной группы, ответственной за социализацию молодежи и регулирующей поведение взрослых, на более ранней стадии развития «создается» новый психологический механизм, более соответствующий открытому обществу, который я буду называть психологическим гироскопом⁴. Этот механизм, однажды установленный родителями или другими авторитетными людьми, как мы увидим, ведет *ориентированного-на-себя* человека в правильном направлении, даже когда традиция, которой соответствовал его характер, перестает определять его поступки. *Ориентированный-на-себя* человек оказывается в состоянии поддерживать точное равновесие между требованиями, предъявляемыми его жизненной целью и преодолением ударов, наносимых внешним окружением. Подобно любой другой, метафору «гироскоп» нельзя понимать буквально. Было бы ошибкой думать, что *ориентированный-на-себя* человек неспособен учиться на собственном опыте или невосприимчив к общественному мнению в вопросах внешней конформности. Он может получать извне определенные сигналы и реагировать на них при условии, что они согласуются с ограниченной подвижностью, допускаемой его гироскопом. Его пилот не совсем автоматический.

Осень Средневековья Хейзинги рисует картину страданий и смятения, конфликта ценностей, в результате чего постепенно возникают новые формы. Уже к концу Средневековья люди были вынуждены жить в условиях, способствующих возникновению нового сознания. По мере развития их самосознания и индивидуальности они должны были сделать так, чтобы чувствовать себя как дома в этом мире в новых условиях. И они все еще должны делать так.

Начинающийся спад населения: *ориентированные-на-другого* типы.

Проблема, с которой сталкиваются общества на стадии переходного роста, состоит в том, что они достигают такого момента, когда ресурсы становятся довольно обильными, или когда они используются достаточно эффективно, чтобы было возможно быстрое накопление капитала. Это быстрое накопление капитала должно быть достигнуто даже в том случае, если общественный продукт все с большей скоростью идет на поддержание растущего населения и удовлетворение потребительского спроса, соответствующего уже достигнутому образу жизни. В большинстве стран, до тех пор пока капитал и техника не импортируются из других стран, находящихся на более поздних фазах кривой населения, любое усилие, направленное на увеличение национальных ресурсов ускоренными темпами, делается за счет существующих стандартов жизни. Мы видели, что это происходит в СССР, находящемся сейчас на стадии переходного роста. Для западной Европы этот переход был весьма продолжительным и болезненным. Для Америки, Канады и Австралии — сразу получивших все преимущества европейской техники и природных ресурсов — переход был быстрым и относительно легким.

Как мы уже говорили, *ориентированный-на-традицию* человек вряд ли думает о себе как об индивиде. Еще меньше ему приходит в голову, что он может делать свою собственную судьбу на основе личных жизненных целей или что судьба его детей может быть иной, чем у семейной группы. Психологически он еще недостаточно отделен от самого себя (или, поэтому достаточно близок к себе), своей семьи или группы, чтобы думать подобным образом. Однако на стадии переходного роста, люди, имеющие *ориентированный-на-себя* характер, приобретают чувство контроля над своей собственной

жизнью и смотрят на своих детей так же как на индивидов, способных делать карьеру. В то же время вместе с переходом от сельского хозяйства к промышленности и с ликвидацией детского труда, дети перестают быть просто экономическим вкладом. По мере распространения научного мышления религиозные и магические взгляды на фертильность человека, — взгляды, которые на ранней фазе кривой населения имели смысл для воспроизводства этой культуры — уступают место «рациональным» индивидуалистическим установкам. Действительно, точно так же, как быстрое накопление производственного капитала требует, чтобы люди были воодушевлены «Протестантской этикой» (так Макс Вебер охарактеризовал проявление того, что здесь определяется как *ориентация-на-себя*), так и уменьшение численности потомства требует глубокого изменения ценностей — изменения столь глубокого, что, по всей вероятности, оно коренится в структуре характера.

Поскольку вслед за смертностью начинает падать рождаемость, общества приближаются к эпохе начинающегося спада населения. Все меньше и меньше людей работает на земле, в добывающей промышленности и даже на производстве. Рабочий день сокращается. У людей появляется материальный достаток и, кроме того, досуг. Однако, за все эти изменения они платят — как всегда решение старых проблем порождает новые — тем, что живут теперь в централизованном и бюрократизированном обществе и мире, уменьшившемся и смятенном от ускоренного индустриализацией соприкосновения рас, наций, культур. Особая стойкость и предприимчивость *ориентированных-на-себя* типов в какой-то степени менее необходимы в этих новых условиях. Все большей проблемой становится не материальная окружающая среда, а другие люди. И поскольку люди гораздо больше общаются и становятся все более восприимчивы друг к другу, традиции, сохраняющиеся со стадии высокого потенциала прироста населения — в любом случае сильно подорванные во время резкого скачка индустриализации — сильно ослабевают. Гироскопический контроль больше не является достаточно гибким и требуется новый психологический механизм. Более того, «психология нужды» многих *ориентированных-на-себя* людей, которая была частью социальной адаптации в период интенсивного накопления капитала, сопровождавшего переходный рост населения, должна была уступить место «психологии изобилия», соответствующей расточительной роскоши потребления досуга и избыточного продукта. Если люди не хотят тратить прибавочный продукт на войну, которая все еще требует огромного капитального оснащения, они должны научиться наслаждаться и заниматься теми сферами деятельности, которые являются дорогостоящими с точки зрения человека власти, но не капитала — например, поэзией и философией. Действительно, в период начинающегося спада ничего не производящие потребители, в состав которых входит как возрастающее количество стариков, так и сокращающееся количество еще неподготовленной молодежи, представляют собой значительную часть населения, которым необходимы экономические возможности для того, чтобы быть щедрыми, и структура характера должна соответствовать этому.

Действительно ли осознается хоть в какой-то степени эта потребность в другом пласте типов характера? Мои наблюдения дают мне право думать, что в Америке она осознается.

Перевод с английского Е.Д. РУТКЕВИЧ

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Observation on the Yurok: Childhood and World Image. University of California Publications// American Archeology and Ethnology, XXXV (1943), IV.

² Individual and social origins of neurosis// American Sociological Review, IX (1944). P. 380; Переизд. в: Personality in Nature, Society and Culture/ Kluckhohn C., Murray H. New York. Alfred A. Knopf, 1948.

³ Здесь используется терминология Франка В. Ноутстайна: *Notestein F.W. Population. The Long View// Food for the World/ Schultz T.W. University of Chicago Press, 1945.*

⁴ Раньше я уже говорил об использовании этого термина Гарднером Мэрфи: *Murphy G. Personality. New York, Harper, 1947.*